

Э.Н. ОЖИГАНОВ

ПИТИРИМ СОРОКИН КАК ПОВОД: СОЦИОЛОГИЯ И МЕТАФИЗИКА СМУТЫ

ОЖИГАНОВ Эдвард Николаевич – доктор философских наук, старший научный сотрудник Центра стратегических исследований в области инноваций Международного института энергетической политики и управления инновациями Одинцовского филиала Московского государственного института международных отношений МИД РФ, Москва, Россия (Edward.Ozhiganov@gmail.com).

Аннотация. В статье анализируются социологическая публицистика и политические прогнозы П.А. Сорокина периода российского политического коллапса 1917–1918 гг., а также возможности адаптации его «социологии революции» к исследованиям трансформации современной социально-политической системы Российской Федерации. Автор раскрывает зависимость «строго научного подхода» П. Сорокина к изучению хода февральского и октябрьского переворотов 1917 г. и прогнозированию их последствий от его идеологических верований и партийных позиций. В этом контексте пример П. Сорокина рассматривается для понимания причин возникновения смуты в России и ответственности социологической науки за достоверность политических прогнозов. В статье затронута проблема связи политического позитивизма с оперативным масонством П. Сорокина. Его случай показывает, что политическое предвидение может быть в корне несостоятельным, но тем не менее инструментальным с точки зрения достижения партийных или групповых целей.

Ключевые слова: П. Сорокин • революция • социология революции • политические прогнозы • политический позитивизм • политическое масонство

DOI: 10.31857/S013216250003176-6

Столетие российского политического коллапса 1917–1918 гг. предоставляет современным социологам (к каким бы направлениям или «школам» они ни принадлежали) возможность вновь обратиться к анализу революционных утопий и динамики вождизма и бюрократии. В эту годовщину может показаться странным (или знаменательным) слабое позиционирование на страницах ведущих социологических и политологических журналов идей П.А. Сорокина, «социологию революции» которого называют «первой современной теорией революции» [Ковалев, 2009: 106].

С дистанции сегодняшнего дня очевидно, что П. Сорокин, вопреки настойчивым проповедям «научной строгости», дал ошибочные оценки развития политических событий 1917–1918 гг. в России и недостоверные прогнозы относительно их дальнейшего хода и последствий. Качество этой «научной строгости» не улучшило и «полное изменение политических установок Сорокина, по сравнению с тем, что он исповедовал в России» [Волков, 2013: 26].

Независимо от того, была ли «научная строгость» прогнозов П. Сорокина латентной манифестацией его «представлений, принципов и предрассудков», или он в силу обстоятельств сознательно пренебрегал требованием строить прогнозы только на гипотезах, которые можно верифицировать, его «случай» следует рассматривать как повод для понимания пределов вероятности, которую социология может обеспечить политическим прогнозам и извлечь из этого некоторые уроки на будущее. Несогласованности и разночтения «археологических» и «онтологических» изысканий научной и политической деятельности П. Сорокина этого периода в российской и зарубежной научной литературе [Глотов, 2012: 138–144] усугубляются желанием исследователей «анализировать без анализа» наиболее проблемные аспекты его теоретического наследия и политической

деятельности. «На чем бы ни делать упор в описании и анализе уже произошедших революционных (и иных) событий, – полагает один из них, – актуальным остается вопрос об их возможном прогнозе». Возможно ли научное предсказание революционных событий? Насколько можно руководствоваться здесь сорокинским практическим и научным опытом? Сорокин, как известно, в подходе к революции придерживался поведенческой трактовки: «Революция – это прежде всего определенное изменение поведения членов общества, с одной стороны, их психики и идеологии, убеждений и верований, морали и оценок – с другой». Но у революций есть такая особенность: задним числом они представляются совершенно неизбежными. И в текущей реальности они всегда случаются неожиданно для современников. То есть чаще всего революционные события не были предугаданы. Сорокин эмоционально высказался на этот счет: «Кто может сказать, как широко разольется пожар революции? Кто вполне уверен в том, что если не сегодня, то завтра её ураган не несёт и его дом? Ignoramus. Но зато мы можем знать, что она такое» [Ковалев, 2017: 54–76]. Возможно, в силу своей эмоциональности, Сорокин обрывает известное латинское выражение: вслед за «ignoramus» (мы не знаем) должно следовать «et semper ignorabimus» (и никогда не узнаем).

Ответ на вопрос о том, насколько можно руководствоваться «сорокинским практическим и научным опытом», лежит в иной плоскости: несмотря на известные различия между «научным» прогнозированием и «практическим» предвидением, в обоих случаях утилитарность политических предсказаний в принципе не зависит от их достоверности. Иначе говоря, их объединяет тот факт, что политический прогноз или предвидение могут быть сколь угодно ложными, но при этом весьма эффективными с точки зрения целей политических. К примеру, историков озадачил секретный меморандум одного из «архитекторов» российского коллапса 1917–1918 гг. лорда А. Милнера военному комитету Великобритании, представленный им за два дня до государственного переворота в России [Prins, 2011: 52], где отмечалось, что «в разговорах о революции очень много преувеличений, и особенно о предполагаемой нелояльности армии» [National Archives, 1917: 6]. Однако «серый кардинал» британской имперской политики А. Милнер, написавший меморандум после «инспекционной» поездки в Россию, обладал информацией, так сказать, из первых рук, о подготовке государственного переворота теневой военно-промышленной кликой и его конкретных сроках. Ход А. Милнера становится понятным в контексте стратегических планов закрытого политического клуба британского истеблишмента «Круглый стол» [Cafferky, 2013], лидером которого он был, относительно переворота в России в феврале – марте 1917 г.

То же самое можно сказать о некоторых предсказаниях Сорокина, соратника А. Керенского по проекту «демократизации» России, хотя о реальном влиянии Сорокина на принятие решений Временным правительством на различных этапах его трансформации фактически мало что известно. Российские и зарубежные исследователи, прилагающие большие усилия для освещения подробностей научной и политической деятельности П. Сорокина, тщательно обходят стороной его роль в механизме власти Временного правительства. В октябре 1917 г., за несколько дней до большевистского переворота, он предсказывал, что «песня большевизма – почти спета» и что «гибель большевизма как революционно-идейной доктрины неизбежна» [Сорокин, 2000: 149–150]. Как видим, прогностическая функция «строго научного подхода» П. Сорокина здесь не работала, чему должны быть причины. Не случайной *motto* политической публицистики П. Сорокина периода «Заметок социолога» – «продолжаю констатировать» [Сорокин, 2000: 101]. Как пишет М.Ф. Черныш о теории революции П. Сорокина, «...Сорокин-наблюдатель вступал в спор с Сорокиным-политиком: первый видел объективные признаки социального распада и хаоса, набирающего силу, а второй подчеркивал дискретность революции, зависимость ее течения от принимаемых решений и сил, побеждающих в ней. Но где в этом наборе аргументов Сорокин-теоретик?» [Черныш, 2017: 82].

Здесь можно поставить вопрос, не превышает ли сложность прогнозирования политических процессов возможности «чистой науки», подвигая социолога-политика и публициста к свободе от обязательств перед своей собственной теорией или к использованию авторитета науки для продвижения партийной идеологии. Сорокин настаивал, что «если партийная социология существует, то это объясняется лишь тем, что социология как наука еще мало развита, не установлена, почему каждой партии и приходится создавать свою собственную социологию, предполагая, что она является в то же время и научной социологией, т.е. общеобязательной для всех» [Сорокин, 2000: 9]. Нетрудно догадаться, что из всех этих «социологий» наиболее правильной была «теория факторов», которая в этот период служила Сорокину инструментом выработки партийной линии группы правых социалистов-революционеров, близких к А. Керенскому, «могильщику молодой русской свободы», по выражению М. Вебера [Weber, 1988b: 333].

Теоретический багаж, с которым Сорокин подошел к 1917 г., представлял собой творческий «микс» из теорий его наставников М. Ковалевского (теория факторов) и Е. де Роберти (биосоциальная теория), двух организаторов и руководителей спекулятивного масонства в России начала XX в. В обзоре русской социологии XX в, сделанном через десять лет после его неудачного эксперимента с неопозитивизмом [Sorokin, 1927: 57–69], Сорокиным представлен целый сонм «социологий», о которых можно сказать словами В. Парето: «До сих пор социология почти всегда толковалась догматически. Не должно вводить в заблуждение прилагательное «позитивная», данное Контом его философии; она столь же догматична, как и «Рассуждение о всеобщей истории» Боссюэ. Это различные религии, но все же религии; такого рода религии мы находим в трудах Спенсера, Де Греефа, Летурно и других авторов. Среди социологий в большом количестве встречаются «гуманистические», нет недостатка в метафизических, также имеется некоторое количество христианских, католических и иных подобных им социологий» [Парето, 2007: 14]. Знаменательно, что среди этого каталога Сорокин никак не обозначил свои собственные достижения в области социологических теорий. Позднее, в отредактированной под американского читателя автобиографии «Дальняя дорога» (1963) Сорокин писал: «Первая мировая война пробила первые бреши в позитивистском «сциентистском» и гуманистическом мироощущении, которое я имел до войны. Революция же 1917 года разбила вдребезги мои взгляды на мир, вместе с характерными для них позитивистской философией и социологией, утилитарной системой ценностей, концепцией исторического процесса как прогрессивных изменений» [Сорокин, 1999: 15].

Однако в 1917 году взгляды Сорокина были далеко не «разбиты». К примеру, в статье «Заметки социолога. О причинах войны, империализме и многом другом», опубликованной в мае 1917 г. в издаваемой этой группой газете «Воля народа» (которую критики, не без доли истины, называли «Волей Керенского»), Сорокин вразумлял эсеров, почему им не следовало бы обращаться к марксистскому объяснению причин и действующих сил империалистической войны. «Не стоило этого делать, – писал он, – во-первых, потому, что само понятие империализма – понятие неясное; во-вторых, потому, что поскольку в него вкладывается более или менее определенное содержание – оно происхождение войны объяснить не способно; в-третьих, потому, что социалистическая доктрина марксизма неверна вообще; в-четвертых, потому, что из неверной теории делаются и неверные выводы; в-пятых, потому, что социалистическая теория факторов нашей партии более истинна, чем доктрина экономического империализма» [Сорокин, 1999: 39].

Хотя четыремя годами ранее другой известный революционер в журнале большевиков «Просвещение» выдвинул свой тезис – «учение Маркса всесильно, потому что оно верно» [Ленин, 1973: 40–48], в инструментальном плане оба учения оказались «истинными». Теория факторов «общественной жизни» в исполнении Сорокина – один из клонов позитивистской метафизики истории. Предназначенная дать «подлинные ключи для овладения сложной механикой общественных явлений» [Сорокин, 2000: 12], она оказалась непригодной для прогнозирования политических процессов как из-за своего

спекулятивного характера, так и ввиду своей роли в качестве идеологии «демократизации». В области политической теории, вслед за своим учителем Л. Петражицким, он полагал, что «секрет власти – в психике человека» [Сорокин, 2000: 32], и, в соответствии с этой посылкой, рассматривал «психологические факторы» как самодостаточные. На этой основе Сорокин делал оценки и заключения, которые раз за разом не срабатывали.

Причиной этому был очевидный дефект его подхода – вопреки своим настойчивым требованиям «детализации факторов» и установления «причинной связи» между ними, он оставил без малейшего внимания как раз те ключевые институты и тех акторов российской и глобальной политической сцены, которые определили место России в новом мировом порядке. Пределы аналитического видения этой сцены, за которые Сорокин не мог и не решался выйти, были ограничены тем, что он представлял в одном лице российский политический позитивизм и российское политическое масонство.

Программой политического позитивизма была «демократическая модернизация» страны на основе «строго научного» конструирования институтов правового государства и прав личности. Сорокин, заимствуя идеи французских правоведов-позитивистов Л. Дюги и Г. Жезе о социально-служебной роли государства, в мае 1917 г. писал: «Россия только что перешла от состояния полицейского государства к правовому. Место господской власти заняла у нас социально-служебная власть» [Сорокин, 2000: 31]. Не без экстатического вдохновения он указывал, что мировоззрение позитивизма поставило права личности своим основным принципом: «Она для нас альфа и омега, начало и конец всего. Ее благо – мера всех вещей» [Сорокин, 2000: 14].

Позитивистская программа преобразования России имела «серые зоны», о которых П. Сорокин предпочитал не говорить, но которые были очевидными даже с точки зрения собственных методологических установок позитивистской социологии на «исследование фактов», «объективность» и «деидеологизацию». Она никак не просчитывала возможные последствия разрушения государственных, общественных, культурных, религиозных структур и «механической» солидарности «традиционного» общества в пиковый момент мировой войны. Оправдывалось это тем, что «революционному правительству придется сразу рубить там, где нормальная власть решала бы вопросы в течение ряда лет. И эта смелость рубить и рубить у революционного правительства должна быть» [Сорокин, 2000: 78–79]. Подобная «смелость рубить» является первым признаком стремления к смуте, поэтому важнейшим здесь являлся анализ происхождения политических и экономических интересов, которые реально проводило в жизнь «революционное правительство» А. Керенского. Каких-либо попыток такого анализа в «сорокинском практическом и научном опыте» не обнаруживается. «Мы поддерживали и поддерживаем «коалиционное» Временное правительство», – писал Сорокин. «Мы признаем, что в общем и целом наша революционная власть стоит на высоте. Но это не лишает нас возможности указывать те или иные её недочеты, критиковать тот или иной ее шаг, не с целью «подрыва власти», а с целью оказания помощи ей в её неизмеримо трудных задачах» [Сорокин, 2000: 76].

Поражает контраст в оценках деятельности Временного правительства и комбинации сил, ее направлявших, которые были даны П. Сорокиным и М. Вебером. Там, где Сорокин видел «стоящую на высоте» революционную власть, Вебер – «бравурный блеф и надувательство» [Weber, 1988c: 227]. И дело здесь не только в дистанции наблюдения, но и в различиях в методологии подходов, даже в стиле политической публицистики. Обсудив *pro et contra* перспективы российской «демократизации», Вебер писал: «пока ситуация остается такой, какая она есть, социал-демократы и эсеры могут играть лишь роль «ведомых» и в этом качестве их терпят потому, что они вводят массы в заблуждение относительно «революционного» характера правительства» [Weber, 1988d: 116]. Характеристика – «могут играть лишь роль “ведомых”, является ключевой: такого типа политические режимы могут удержаться в седле, если будут найдены соответствующие исполнители и созданы финансовые каналы обеспечения их деятельности [Weber, 1988d: 120]. Номенклатура «псевдodemократии», ее институты в различных секторах государственного

управления и законодательство формировались теневой организацией российского политического масонства образца 1917 г., кредитоспособность которой зависела от решений финансовых кругов Великобритании и США.

Политический позитивизм обеспечивал идейную составляющую российского политического масонства. В разработке его программных документов и формировании структуры активное участие принимал Сорокин, который был привлечен к этой деятельности генеральным секретарем масонского «Верховного Совета Народов России» А. Керенским задолго до февральского переворота. Относительно программы нового правительства Б. Нортон замечает: «Керенский, первый министр юстиции, а затем премьер-министр, утверждал, что это была демократическая программа, сформулированная ранее политической масонской организацией, которая была затем реализована на широкой основе Временным правительством. Конечно, весьма значительный объем законодательства, принятого во время краткого существования этого правительства, настоятельно указывает на то, что большая часть этого законодательства была тщательно разработана заранее» [Norton, 1983: 257].

Оценивая «Политическую программу» Временного правительства 3 марта 1917 г., Сорокин утверждал, что «в некотором отношении, в частности в вопросах правового положения солдата, она опережает европейские государства. Опережает их она и в ином отношении. В той же декларации правительство заявляет, что «считает своим долгом присовокупить, что оно отнюдь не намерено воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедления по осуществлению вышеизложенных реформ и мероприятий. Это заявление, подтвержденное не раз и позже и фактически осуществляемое правительством, чрезвычайно важно. Оно означает, что указанные права и свободы не будут ограничены и в данное военное время. Это-то обстоятельство и ставит нас в положение, более передовое по сравнению с Западом» [Сорокин, 1994: 292].

В действительности «Политическая программа» Временного правительства запустила процессы разложения и хаоса во всех секторах экономики, государственного управления, военной сферы и внешней политики России. Масонская «заготовка» сработала с необычайной разрушающей силой. В.Б. Станкевич, военный комиссар Временного правительства в мае – сентябре 1917 г., свидетельствовал, что «противоречивость позиций и просто невыясненность были так велики, что, при организации Правительства, при формулировке знаменитых восьми пунктов, на основе которых Исполнительный Комитет обещал свою поддержку Правительству – вопрос о войне вовсе не был затронут.... Прежде всего распалась власть. Распалась уже давно, сразу после революции» [Станкевич, 1920: 115]. Экономист С.О. Загорский, руководитель департамента Министерства труда Временного правительства, констатировал, что «большинство мер, принятых правительством России, никогда не применялись на практике. Дезорганизация всех административных и экономических механизмов была настолько велика, что исчез сам предмет государственного управления и контроля» [Zagorsky, 1928: 269].

В политической публицистике и мемуарных сочинениях Сорокин умел скрывать сведения о деятельности российского оперативного масонства. Как политический публицист, он в этой ситуации продолжал клеймить «наследие старого режима», осуждать неправильное отношение граждан к правам и обязанностям и сокрушаться по поводу низкого уровня сознательности масс, а как «теоретик социологии» – рассуждать о неизбежных колебаниях «маятника» революции. В мае 1917 г., когда теневая политическая организация масонства достигла пика влияния в России, Сорокин был приглашен Керенским для работы в его личном секретариате. В биографических сочинениях и воспоминаниях Сорокин предпочел умолчать о своих функциях члена личного секретариата Керенского. Хотя немногое известно о распределении компетенций внутри личного секретариата премьера Временного правительства, следует отметить, что руководителем секретариата был Давид Соскис, также правый эсер и активный масон, друг и соратник Керенского, обеспечивавший связи клики Керенского с политическим и финансово-промышленным

истеблишментом Великобритании и США [Hollingsworth, 1976: 73–97]. Сорокин, по всей видимости, ведал вопросами идеологии и внутренней политики, к примеру, «подыскивал кандидатов на освободившиеся места в Совете министров» [Дойков, 2008: 164]. На основе доступных документов трудно судить, действительно ли Сорокин играл роль «второго лица в недолгом правительстве Керенского» (определение Б. Джонстона) [Джонстон, 1999: 14], но его влияние на курс Временного правительства в некоторых областях было существенным, особенно по вопросу о продолжении войны. Исповедуемая Сорокиным идеология «демократизации» была тесно связана с планами «вестернизации», т.е. предполагаемого формирования политических и государственных институтов России по образцу ведущих стран Антанты. Российские и зарубежные исследователи упоминают об этом аспекте политической деятельности Сорокина лишь для того, чтобы отмахнуться от него, как от досадного эпизода, довольствуясь весьма поверхностными, а иногда и просто невразумительными объяснениями, вроде того, что он «активно включился в революционную деятельность в 1917 г., а потом стал свидетелем неспособности Временного правительства навести в стране порядок и вернуть стабильность» [Жеребцов и др., 2017: 102].

Вовлеченность ближайшего окружения Керенского в планы «вестернизации» России сделала его объектом директивной манипуляции со стороны англо-американской дипломатии и внешней разведки. Стратегия англо-американского истеблишмента, как это подтверждается сегодня рядом документов из архивов США и Англии, ставила своей задачей инициировать экономический и политический коллапс в России в конце мировой войны под предлогом поддержки «демократических реформ». На практике это означало активное вмешательство во внутреннюю и внешнюю политику России с помощью тайной дипломатии, финансовых операций, пропаганды и агентурной сети. Англо-американский истеблишмент, в соответствии со своим видением «нового мирового порядка», стремился ни в коем случае не допустить такого сценария, при котором Россия в ряду победителей в войне могла бы действовать в соответствии со своими геополитическими и экономическими интересами в Европе и Азии.

По известным причинам освещение этой стороны российской политической сцены находилось у Сорокина под строжайшим «табу», хотя непонятно, каким образом на таких условиях можно было строить хоть сколько-нибудь правдоподобные прогнозы. «Теоретическому социологу» открывалась лишь бурная «феноменология» короткого бытия марионеточного государственного образования, предназначенного стать интерлюдией к воцарению большевизма в России. Он оценивал большевистский переворот как «частный случай явления преторианства тыла, широко разлившегося по всей России» [Сорокин, 2000: 173]. Такая оценка была одновременно и ошибочной, и неумелой, как и вывод, который из нее следовал, – «если даже большевикам и удастся вполне завладеть властью, они ее удержать не смогут. Социальный базис их слишком узок. Он весь исчерпывается горсткой большевистских фанатиков» [Сорокин, 2000: 173]. Политический динамизм большевизма имел успех благодаря политической и экономической нестабильности в России, спланированной и исполненной самими «вестернизаторами» в соответствии с канонической стратегией «нового мирового порядка» [Preparata, 2005, 34].

Взятая в целом, социологическая публицистика Сорокина представляла собой идейное сопровождение и оправдание неуклонного дрейфа клики Керенского в сторону смуты. Почему идея «свободы», теоретиком и проводником которой считал себя Сорокин, быстро деградировала до примитивного хаоса? Сорокин не мог ясно ответить на этот вопрос не только ввиду идеологических верований, сводящих научную ценность «заметок социолога» к нулевой отметке. Его «социология революции» строилась на исторических параллелях и обобщениях, которые эксплицитировались с помощью так называемых коллективных понятий в качестве действующих «субстанций» истории. Это помогало ему, проявляя недюжинный дар красноречия, подбирать к своей теории нужные случаи и представлять нарративный материал в необходимом для пропаганды «демократизации» свете. Все это смотрелось как «объяснение», но только до момента, пока реальность не

вносила свои поправки. «Сидим в какой-то яме, – писал Сорокин. – Что-то кругом творится, а что – едва ли кто знает. Царствует хаос, господствует кавардак. Угорелая, ошалевшая русская тройка несется на всех парах, а куда – едва ли и русский леший это знает» [Сорокин, 2000: 262]. Стиль и терминология подхода Сорокина к объяснению и предсказанию политических событий определялись характерным для него смешением научной логики и беллетристики при одновременном сочетании схем позитивизма и спекулятивной истории политики. В методологическом плане он резко контрастировал с «акторским» подходом к аналогичным проблемам В. Парето [Pareto, 1922, 370–389] и М. Вебера [Weber, 1988a: 448–480]. Соответственно, ему была абсолютно неведома аналитика социальных трансформаций в терминах «демагогической плутократии» и «диктатуры бюрократии». Учитывая ставки игры, в которую была втянута «демократическая» Россия, такое неведение вело к фатальным результатам в теории и практике. В этом контексте следовало бы говорить не о «социологии революции», а о «метафизике смуты».

Плохо осознаваемые «метафизикой смуты» загадочные силы, определившие правила и исход игры, в которой у российской плутократии было мало шансов, действовали в области борьбы за распределение господства. Значение бюрократии, в том числе – военной, мутировавшей из профессионального сословия в политический класс, осталось вне поля зрения Сорокина. Мелкая городская и сельская буржуазия, к которым безуспешно апеллировал Сорокин в своих прогнозах, не могли играть самостоятельной роли по причине неоднородности и различий в интересах. Работа Сорокина «Современное состояние России», опубликованная в Праге вскоре после его высылки (1922), интересна как раз тем, что в ней получили продолжение те же способы объяснения и предсказания событий, которыми он пользовался в социологической публицистике периода смуты 1917–1918 гг. Ультиматум истории, полагал Сорокин, состоял в том, что режим «коммунизма-этатизма» должен был в течении 2-3 лет либо безоговорочно водворить капитализм и буржуазно-правовой строй, либо насильственно исчезнуть с исторической арены [Сорокин, 1922: 47]. Основой такой уверенности был длинный список экономических, социальных и политических деприваций, дополненный статистикой преступности и отклоняющегося поведения, а также данными о «семитизации» России [Сорокин, 1922: 100–101]. По его прогнозу, власть должна была перейти к умеренно-демократической партии, выражающей интересы крестьян-собственников [Сорокин, 1922: 56–57]. Поразительная недостоверность этого прогноза, используя выражение Т. Адорно, «подходит для идеологической мастурбации мелкой буржуазии, которой угрожает и которую унижает ход общественного развития» [Adorno, 1964: 10]. В обширной монографии «Социология революции» (447 страниц), которая была издана на английском языке в США (1925), список деприваций был дополнен и проиллюстрирован с помощью отобранных к случаю исторических примеров. Терминологически она довольно заметно отличается от русскоязычного варианта (рукопись 1923 г., изданная в России в 2004 г.), что создает впечатление о двух параллельных методологиях «социологии революции» – российской и американской.

Хотя усилия Сорокина постичь закономерности политического развития России и предсказать его перспективы были несостоятельными с научно-прогностической точки зрения, они, возможно, играли инструментальную роль, подпитывая настроения реванша в среде российской иммиграции. По мере естественного затухания таких настроений постепенно исчезало и внимание к его «социологии революции». Сегодня обращение к теоретическому архиву «социологии революции» Сорокина в России латентно или явно мотивируется вопросом, возможен ли и насколько «новый революционный прилив в нашей стране?» [Ковалев, 2017: 55]. Оттенки этого обращения варьируются от некоторого предчувствия на «случай, если российская власть окончательно «окуклится» в оболочке корыстных интересов и окажется неспособной ответить на вопросы, которые ставит перед ней российское общество» [Черныш, 2017: 94], до возвещения, хотя и с оговорками, прихода революционной ситуации в 2017–2018 гг. [Иванов, 2017]. Хотя два десятилетия – вполне разумный срок для «теста на пригодность», опыт обращения к методологии

сорокинской «социологии революции» в поисках алгоритмов прогнозирования по-прежнему остается под вопросом. Возможно, последователям Сорокина в этой области, если они намерены позиционировать себя в качестве представителей социологической науки (об историках и публицистах говорить не будем), следует преодолеть свой характерный «ignomatus» относительно теорий социально-политических трансформаций М. Вебера, Р. Михельса, В. Парето, Д. Сореля, Т. Веблена, К. Маннгейма, Р. Дарендорфа, П. Бурдьё, Т. Гарра и др., включая их взгляды на причины российской смуты 1917–1918 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Волков Е.В. Сбывшиеся и несбывшиеся прогнозы Питирима Сорокина (из истории антибольшевистской эмиграции в США) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2013. Т. 13. № 1. С. 25–28.
- Глотов М.Б. О несогласованности биографических данных российского периода жизни П.А. Сорокина: критический анализ // Социологические исследования. 2012. № 3. С. 138–144.
- Джонстон Б.В. Питирим Сорокин и социокультурные тенденции нашего времени // Социологические исследования. 1999. № 6. С. 13–24.
- Дойков Ю. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Том 1. (1889–1922). Архангельск: Рукотпись, 2008.
- Жеребцов И.Л., Кузванова О.Ю., Лейман И.И. Питирим Сорокин: в бездне революции // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2017. № 3. С. 101–112.
- Иванов Д. Питирим Сорокин и русские революции // Знамя. 2017. № 10. URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=6731> (дата обращения: 04.06.2018).
- Ковалев В.А. Питирим Сорокин о социологии революции: анализ катастрофического опыта – уроки и прогнозы для современности // Вестник Сыктывкарского университета. Сер. гуманитар. наук. 2017. Вып. 6. С. 54–76.
- Ковалев В.А. Теория революции П.А. Сорокина и российский политический процесс // ПОЛИТЭКС. № 2. 2009. С. 106–126.
- Ленин В.И. Три источника и три составных части марксизма // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 40–48.
- Парето В. Компендиум по общей социологии. М.: ГУ ВШЭ, 2007.
- Сорокин П.А. Заметки социолога. Социологическая публицистика. СПб.: Алетейя, 2000.
- Сорокин П. Дальняя дорога: Автобиография. М.: Моск. рабочий, 1999.
- Сорокин П. Политическая программа Временного правительства // Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994. С. 283–292.
- Сорокин П. Современное состояние России. Прага, 1922.
- Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914–1919 г. Берлин: И.П. Ладыжникова, 1920.
- Черныш М.Ф. Питирим Сорокин и его теория революции // Мир России. № 4. 2017. С. 71–96.
- Adorno T. Jargon der Eigentlichkeit: Zur deutschen Ideologie. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1964.
- Cafferky J.P. Lord Milner's Second War. The Rhodes-Milner Secret Society, the Origin of World War I and the Start of the New World Order. CreateSpace, a DBA of On-Demand Publishing, LLC. Copyrighted material, 2013.
- Hollingsworth B. David Soskice in Russia in 1917 // European Studies Review. 1976. № 6. P. 73–97.
- Norton B. Russian Political Masonry and February Revolution of 1917 // International Review of Social History. 1983. Vol. 28. Iss. 2. P. 240–258.
- Pareto V. Previsione dei fenomeni sociali // Rivista d'Italia. 1922. 15 aprile. P. 370–389.
- Preparata G.G. Conjuring Hitler: How Britain and America Made the Third Reich. London: Pluto Press, 2005.
- Prins G. The British Way of Strategy: Making Vital Lessons For Our Times. Occasional Paper. London: RUSI, 2011.
- Sorokin P. Die russische Soziologie im zwanzigsten Jahrhundert // Jahrbuch für Soziologie. 1926. II. S. 462–483.
- Weber M. Deutschlands künftige Staatsform // Gesammelte politische Schriften. Hrsg. von J. Winckelmann. Tübingen: Mohr (P. Siebeck), 1988a. S. 448–484.
- Weber M. Parlament und Regierung im neugeordneten Deutschland: Zur politischen Kritik des Beamtentums und Parteiwesens // Max Weber: Gesammelte politische Schriften. Hrsg. von J. Winckelmann. Tübingen: Mohr (Siebeck), 1988b. S. 306–444.
- Weber M. Preußisches Wahlrecht // Weber M. Gesamtausgabe, Abteilung I: Schriften und Reden. Band 15. Tübingen: Mohr (P. Siebeck), 1988c. S. 224–235.
- Weber M. Rußlands Übergang zur Scheindemokratie (April 1917) // Gesammelte politische Schriften. Hrsg. von J. Winckelmann. Tübingen: Mohr (P. Siebeck), 1988d. S. 197–216.
- Zagorsky S.O. State Control of Industry in Russia during the War. New Haven: Yale University Press, 1928.

PITIRIM SOROKIN AS A CAUSE: SOCIOLOGY AND METAPHYSICS OF DISTEMPER

OZHIGANOV E.N.

Odintsovo branch of the Moscow State Institute of International Relations, Russian Ministry of Foreign Affairs, Russia

Edward N. OZHIGANOV, Dr. Sci. (Philos.), Senior Researcher, Center for Strategic Research in Innovation of the International Institute of Energy Policy and Innovation Management of the Odintsovo branch of the Moscow State Institute of International Relations of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia (Edward.Ozhiganov@gmail.com).

Abstract. The author analyzes sociological journalism and political predictions of Russian-American sociologist P.A. Sorokin during the period of the Russian political collapse of 1917–18, as well as the possibility of adapting his «sociology of the revolution» to studies of the transformation of the contemporary socio-political system of the Russian Federation. The author reveals the dependence of P. Sorokin's «stronger scientific approach» to studying the course of the February and October coups of 1917 and predicting their consequences on his ideological beliefs and party positions. In this context, the example of P. Sorokin is seen as a reason for understanding the causes of the distemper in Russia and the responsibility of sociological science for the reliability of political forecasts. The article highlights the connection between political positivism and operative masonry of P.A. Sorokin. His case shows that political foresight can be fundamentally untenable, but, nevertheless, instrumental from the point of view of achieving parties or groups goals.

Keywords: P.A. Sorokin, Russian revolution, the sociology of the revolution, political forecasts, political positivism, political masonry.

REFERENCES

- Adorno T. (1964) *Ideologie Jargon der Eigentlichkeit: Zur deutschen*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag.
- Caffery J.P. (2013) *Lord Milner's Second War. The Rhodes-Milner Secret Society, the Origin of World War I and the Start of the New World Order*. CreateSpace, a DBA of On-Demand Publishing, LLC. Copyrighted material.
- Hollingsworth B. (1976) David Soskice in Russia in 1917. *European Studies Review*. No. 6: 73–97.
- Chernysh M.F. (2017) Pitirim Sorokin and His Theory of Revolution. *Mir Rossii [Universe of Russia]*. No. 4: 71–96. (In Russ.)
- Glotov M.B. (2012) On the Inconsistency of Biographical Data of the Russian Period of Life Sorokina: Critical Analysis. *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 3: 138–144. (In Russ.)
- Doykov Y. (2008) *Pitirim Sorokin. A Man out of Season. Biography*. Volume 1. (1889–1922). Arkhangel'sk: Manuscript. (In Russ.)
- Johnston B.V. (1999) Pitirim Sorokin and Socio-cultural Trends of Our Time. *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 6: 13–24. (In Russ.)
- Ivanov D. Pitirim Sorokin and the Russian Revolution. *Znamya [Banner]*. No. 10. URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=6731> (accessed 04.06.2018). (In Russ.)
- Kovalev V. (2017) Pitirim Sorokin on the Sociology of the Revolution: Analysis of the Catastrophic Experience – Lessons and Forecasts for the Present. *Vestnik Syktyvkar'skogo universiteta. Ser. gumanit. nauk [Bulletin of the Syktyvkar University. Series of the Humanities]*. Vol. 1: 54–76. (In Russ.)
- Kovalev V.A. (2009) Theory of the Revolution Sorokina and the Russian Political Process. *POLITEKS [POLITEX]*. No. 2: 106–126. (In Russ.)
- Lenin V.I. (1973) Three Sources and Three Components of Marxism. In: *Full. collect. op.* Vol. 23: 40–8. (In Russ.)
- Norton B. (1983) Russian Political Masonry and February Revolution of 1917. *International Review of Social History*. Vol. 28. Iss. 2: 240–258.
- Pareto V. (2007) *Compendium on General Sociology*. Moscow: Izd. GU VSHE. (In Russ.)
- Pareto V. (1922) *Previsione dei fenomeni sociali*. Rivista d'Italia. 15 aprile: 370–389.
- Preparata G.G. (2005) *Conjuring Hitler: How Britain and America Made the Third Reich*. London: Pluto Press.
- Prins G. (2011) *The British Way of Strategy: Making Vital Lessons For Our Times*. Occasional Paper. October. London: RUSI.
- Sorokin P.A. (2000) *Notes of the Sociologist. Sociological Journalism*. Saint Petersburg: Aleteya. (In Russ.)
- Sorokin P. (1999) *The Far Road: Autobiography*. Moscow: Mosk. rabochiy. (In Russ.)
- Sorokin P. (1994) Political Program of the Provisional Government. In: Sorokin P.A. *Public Textbook of Sociology. Articles of Different Years*. Moscow: Nauka: 283–292. (In Russ.)

- Sorokin P. (1922) *Current State of Russia*. Praga. (In Russ.)
- Sorokin P. (1926) Die russische Soziologie im zwanzigsten Jahrhundert. *Jahrbuch für Soziologie*. II: 462–483.
- Stankevich V.B. (1920) *Memories. 1914–1919 years*. Berlin: I.P. Ladyzhnikova (In Russ.)
- Volkov E.V. (2013) Pitirim Sorokin's Predicted and Unfulfilled Prognoses (from the History of Anti-Bolshevik Emigration in the USA). *Vestnik YUrGU. Ser. «Sotsial'no-gumanitarnyye nauki»* [Bulletin of the YurGU. Social Humanities Series]. Vol. 13: 25–28. (In Russ.)
- Weber M. (1988a) Deutschlands künftige Staatsform. In: *Max Weber: Gesammelte politische Schriften*. Hrsg. von J. Winckelmann. 5. Auflage. Tübingen: Mohr (P. Siebeck): 448–484.
- Weber M. (1988b) Parlament und Regierung im neugeordneten Deutschland: Zur politischen Kritik des Beamtentums und Parteiwesens. In: *Max Weber: Gesammelte politische Schriften*. Hrsg. von J. Winckelmann. 5. Auflage. Tübingen: Mohr (P. Siebeck): 306–444.
- Weber M. (1988c) Preußisches Wahlrecht. In: Weber M. *Gesamtausgabe, Abteilung I. Schriften und Reden*. Band 15. Tübingen: Mohr (P. Siebeck): 224–235
- Weber M. (1988d) Rußlands Übergang zur Scheindemokratie (April 1917). In: *Max Weber: Gesammelte politische Schriften*. Hrsg. von Johannes Winckelmann. 5. Auflage. Tübingen: Mohr (P. Siebeck): 197–216.
- Zagorsky S.O. (1928) *State Control of Industry in Russia during the War*. New Haven: Yale University Press.
- Zherebtsov IL, Kuzivanova O. Yu., Leiman I. (2017) Pitirim Sorokin: in the Abyss of the Revolution. *Journal of the Belarusian State University. History*. No. 3: 101–112. (In Russ.)

Received: 27.06.18. Accepted: 31.08.18.